

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ¹

Аннотация. В статье обсуждаются теоретические аспекты исследования эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах. Показывается возможность использования качественного сравнительного анализа (QCA) для изучения посткоммунистических трансформаций на примере некоторых результатов исследовательского проекта, посвященного эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах.

Ключевые слова: институциональная трансплантация; посткоммунистические страны; институциональная трансформация; качественный сравнительный анализ.

E. Yu. Meleshkina

State-building and institutional transplantation in post-communist countries

Abstract. The article discusses theoretical aspects of investigation of institutional transplantation effectiveness in the post-communist countries. It is focused on

---

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, профессор департамента политологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru;

Meleshkina Elena, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia); Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена по результатам проекта РГНФ, грант № 13-03-00399 а («между патримониальным и современным политическим порядком: Качество управления в странах постсоветского пространства»)

possibilities of Qualitative Comparative Analysis (QCA) for study of post-communist transformation on the basis of some results of research project about institutional transplantation effectiveness in those countries.

Keywords: institutional transplantation; post-communist countries; institutional transformation; Qualitative Comparative Analysis.

Распад коммунистического лагеря и Советского Союза повлек широкомасштабные политические и социально-экономические трансформации в одних странах, а также появление новых независимых государств, в том числе ряда территорий с оспариваемым государственным статусом и претензиями на место в мировом сообществе в качестве государств. Страны бывшего коммунистического лагеря столкнулись со многими сходными проблемами формирования новых институтов управления и политического представительства. Это подобие во многом было обусловлено сходным коммунистическим и имперским институциональным наследием, которое предполагало сочетание несовременных (в том числе патримониальных, в понимании М. Вебера) правил и практик с попытками формирования современных институтов, актуализировавшимися не в последнюю очередь под влиянием международной среды. После распада коммунистического лагеря в этих государствах с разной степенью интенсивности осуществлялись реформы по изменению политического режима, институтов государственного управления и учреждению рыночной экономики.

Несмотря на многие общие проблемы, страны, условно относимые к посткоммунистическим, отличаются друг от друга по особенностям формирования и эволюции политических режимов, успешности в укоренении и соотношении формальных институтов и неформальных практик, эффективности и качеству институтов и аппарата государственного управления и др.

В настоящей статье выявляются факторы и условия, влияющие на эффективность институциональных заимствований в бывших коммунистических странах и воспроизводство и / или трансформацию советского и – шире – коммунистического институционального наследия. С помощью качественного сравнительного анализа (QCA) выявляются группы стран с различной степенью успешности институциональной трансплантации и разными сочетаниями условий для нее.

Институциональные заимствования и условия их успешного осуществления

Под институциональными заимствованиями, которые могут осуществляться на основе идей, прошлого опыта, практики других стран, в статье понимается перенос политических институтов из одних политических, культурных и временных контекстов в другие. Как синоним институционального заимствования в работе употребляется также термин «институциональная трансплантация», так как он часто используется в литературе в этом смысле. В общем виде под «мерой» эффективности трансплантации в статье понимается формирование способности заимствованных институтов реализовывать свои функции в процессе институционализации новых норм и правил.

В исследовательской литературе представлены два основных подхода к эффективности институционального заимствования. Первый основан на оценке действий акторов, практических и административных аспектов трансплантации. Второй – политического, правового и культурного сходства страны-донора и реципиента и предполагает наличие конгруэнтности как основы успеха. Среди исследователей, признающих важность контекста, средовых факторов нет согласия относительно набора последних.

Одним из вариантов объяснения влияния средовых факторов является подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2009], значительное место в объяснительной концепции которых занимает тропа зависимости и контроль над насилием.

В своих работах эти авторы используют деление «политических порядков» на три вида. Два из них могут быть полезными для использования в изучении проблемы институциональной трансплантации в посткоммунистических странах. Это:

– иерархичный порядок с ограниченным доступом, в котором правила и практики не носят универсального характера, существуют рента и привилегии, отсутствует монополия на насилие;

– порядок с открытым доступом, предполагающий неперсональный характер правил и процедур, обмен посредством контрактно-принудительного аппарата, высокую специализацию управленческого аппарата и т.д.

Последний тип авторы классификации условно сопоставляют с современным государством.

Согласно концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, успех трансплантации институтов (*rule of law*, выборы и иные институты демократии, экономическая конкуренция) зависит от успешности решения задач преобразования порядка с ограниченным доступом в порядок с открытым доступом, на процесс которого влияет тропа зависимости. Эта идея была использована в нашем исследовании для выявления условий эффективности заимствованных институтов.

Другая группа ученых, признающих важность контекста, обращается к культурным основаниям для объяснения институциональных изменений [например, Zweynert, 2009, p. 339–360]. Культура здесь понимается как разворачивающееся взаимодействие между формальными и неформальными нормами. В рамках этого подхода эффективность импорта институтов соотносится с особенностями местной культуры. Предполагается, что политические акторы могут способствовать процессу институциональной трансплантации, но не предопределять его. Также способствовать этому процессу могут политические кризисы. Но и они не являются его непременным условием. Этот подход также заслуживает внимания. Несомненно, культурные особенности оказывают воздействие на функционирование институтов и результат институциональных заимствований. Однако, понимая сложность формализации культурных факторов и опасность произвола в этом процессе, в нашем исследовании мы их специально не учитывали.

В целом в научной литературе выделяются четыре основных фактора, влияющих на успех институциональных изменений, включая трансплантацию.

Во-первых, это радикальный разрыв с укоренившимися практиками [например, De Jong, Stoter, 2009, p. 311–330; Roland, 2004, p. 109–131]. Добавим, что в этом смысле в период перемен, особенно решения судьбоносных задач типа образования нового государства, важным является принятие радикальных институциональных решений. Это обстоятельство мы учитывали при выявлении факторов, влияющих на институциональные изменения в посткоммунистических странах.

Во-вторых, имеет значение контекст и адаптация к нему импортированных институтов [Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195; De Jong, Stoter, 2009, p. 311–330]. Ряд контекстуальных факторов использовался в нашем исследовании. Что касается

адаптации, то мы отказались от прямого учета этого фактора в силу сложности его формализации.

В-третьих, в качестве значимого фактора отмечают знакомство в обществе-реципиенте с новым институтом, облегчающее процесс адаптации [Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195]. В частности, от подобного знакомства выигрывают колонии, возникшие как поселенческие.

Некоторые исследователи, отмечающие важность этого фактора, подчеркивают позитивную роль, которую могут играть различные акторы, поддерживающие процесс ознакомления с институтами и их адаптации: «институциональные предприниматели» («institutional entrepreneurs»), «культурные предприниматели» («cultural entrepreneurs») или «правовые посредники» [Zweynert, 2009, p. 339–360; Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195; De Jong, Stoter, 2006, p. 311–330]. Однако в целом более значимыми здесь являются институциональные традиции, которые мы также пытались учесть в нашем исследовании.

В-четвертых, значимым фактором может быть обратное влияние заимствованных институтов на местную культуру и неформальные институты, т.е. «рекогнитивный» процесс [Chang, Evans, 2005, p. 103], который в свою очередь влияет на будущее заимствованных институтов. К сожалению, данный фактор также довольно сложно формализовать. Поэтому нами он специально не использовался.

Помимо этих факторов исследователи также отмечают влияние международной среды и процессов глобализации. Современная международная система предполагает распространение в мировом масштабе норм и институтов национального государства и демократии. Помимо этого, под влиянием глобализации происходит интенсификация институциональных заимствований, которая характеризуется в ряде случаев ускорением заимствований и увеличением дистанции (в том числе культурной) между донором и реципиентом. Отсюда возрастает проблема институциональной адаптации и несовместимости.

Стремясь учесть контекст институциональных заимствований в нашем исследовании, мы обратились к анализу особенностей институциональных традиций стран, входящих в нашу выборку. Важным обстоятельством для нас было то, что все посткоммунистические страны на том или ином этапе своего раз-

вития входили в состав континентальных империй или являлись их зависимыми территориями. Ряд стран в коммунистический период входили в состав СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации. Другие были в сфере его влияния. Это не могло не сказаться на специфике институциональных традиций. В большей или меньшей степени в странах нашей выборки (особенно в государствах постсоветского пространства) продолжают функционировать элементы «порядка с ограниченным доступом», что затрудняет процесс укоренения институтов «порядка с открытым доступом». Для ряда посткоммунистических стран характерны сохраняющиеся черты иерархической косвенной системы управления, характеризующейся опорой на личностные связи, распространение патрон-клиентских отношений, слабая степень универсализации правил и практик (включая деятельность государственного аппарата), слабая дифференциация между частной и публичной сферами и проч. Институциональное заимствование в этих условиях осложняется потенциальной открытостью и несогласованностью границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающихся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам [см., например: Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2013, с. 10–29].

Исследовательская стратегия и используемые показатели

Для решения задач исследования эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах нами была использована стратегия качественного сравнительного анализа (QCA)¹, который отчасти позволяет преодолеть размежевание между сторонниками количественных и качественных методов исследования относительно исследования причинно-следственной связи [Mahoney, Goertz, 2006]. В политической науке он стал применяться сравнительно недавно, однако уже получил широкое распространение в разных тематических областях политологии.

---

¹ О QCA см. подробно, например: [Ragin, 1987; Ragin, 2008, Configurational, 2008 etc.].

Его преимущество заключается в том, что он позволяет сохранить ориентацию на понимание уникальности казусов при решении задач сравнения и типологизации. В отличие от качественных стратегий здесь мы имеем более широкие возможности для осуществления сравнения в силу того, что QCA позволяет:

1) осуществить переход от описания отдельных казусов к более систематическому изучению объектов в малых и средних выборках;

2) «примирить» качественное описание объекта с формальным анализом;

3) сохранить баланс между описанием объектов во всем их многообразии и поиске обобщений;

4) выявить различия между казусами и их типами и создать типологию.

В контексте противоречий между сторонниками качественных и количественных методов важно отметить, что качественный сравнительный анализ – стратегия, направленная не на выявление «главных» трендов и исключений, а на поиск различий между казусами (*diversity-oriented analysis*), сходства между ними в различиях.

В основе качественного сравнительного анализа лежит Булева алгебра, которая предполагает анализ эмпирических данных путем формализации качеств («причин» или, в терминах QCA, «условий» и «следствий») с помощью высказываний, оцениваемых как истинные (наличие качества) или ложные (отсутствие качества), их сведение в таблицы истинности, а также анализ таблиц истинности путем различных процедур, в частности минимизации логических выражений.

QCA ориентирован на нахождение достаточно простых сочетаний небольшого количества характеристик, включенных в анализ. При этом причина понимается как ситуация одновременного присутствия условий и «выхода» (*outcome*). Ищутся именно сложные причины, представленные как сочетания отдельных условий. Иными словами, QCA предполагает обнаружение связи не между отдельными характеристиками, а между их сочетаниями. При этом важным является не количество казусов – примеров таких сочетаний, а количество этих сочетаний, типов ситуаций.

Применение логики качественного сравнительного анализа в работе позволило выявить типы сочетаний причин-следствий того или иного типа стран, выделенных на основе показателей успеха

институциональной трансплантации, которые были использованы нами в качестве следствий.

Использование формальных критериев для определения типов и эффективности трансплантации различных институтов с учетом влияния странового контекста, о важности которого говорились выше, – задача сложная и амбициозная. Ее осуществление на материале нашей выборки предполагает либо применение дорогостоящих методов и методик, либо сужение числа исследуемых случаев до наиболее типических и соответственно применение фокусированного сравнения. Принимая во внимание ограниченность наших ресурсов, мы решили для оценки эффективности трансплантируемых институтов использовать имеющиеся индексы, которые позволяют условно отнести государства в нашей выборке к трем группам: стран с успешной трансплантацией заимствованных институтов, отстающих в этом отношении и «среднячков».

Учитывая тот факт, что перед посткоммунистическими странами стояли задачи демократизации, формирования рыночной экономики и современного государства, предполагающего господство права, мы обратились к тем имеющимся индексам, которые отражают данные аспекты социально-экономической и политической жизни. Эти же аспекты в плане результатов трансплантации институтов предлагают оценивать и Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast, 2009 a; Limited access orders... 2007; North, Wallis, Weingast, 2009 b].

В качестве базовых данных, на основе которых страны были поделены на группы по успешности трансплантации, мы использовали индексы управляемости Всемирного банка. При этом учитывалось, что при всех проблемных особенностях этих индексов (сложносоставность, повторяемость исходных данных, недостаточно продуманная процедура агрегирования и т.д.) они обладают важными для нашего проекта достоинствами, среди которых следует особенно отметить единую шкалу и соответственно сопоставимость индексов, свидетельствующих о разных сторонах общественно-политической и социально-экономической жизни.

В нашем исследовании использовались следующие три показателя: господство права (rule of law), голос и подотчетность (voice and accountability) и качество регулирования (regulatory quality). Господство права предполагает доверие и подчинение существующим общественным нормам. Голос и подотчетность свиде-

тельствуют о наличии возможностей у граждан влиять на формирование и смену правительства, основных политических прав и свобод, транспарентность в принятии политических решений. Качество регулирования означает восприятие способности правительства формулировать и осуществлять ясную политику, которая допускает существование частного сектора и способствует его развитию [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2010]. Индекс можно косвенно рассматривать как показатель эффективности трансплантации институтов рыночной конкуренции.

В нашу выборку входили только посткоммунистические страны. Это было обусловлено наличием объединяющего их исторического опыта, коммунистического прошлого и общим временным периодом трансформации. Перед ними стояли похожие задачи формирования институтов правового государства, демократического правления и рыночной конкуренции. Решение этих задач предполагало осуществление институциональных заимствований, реализованных с разными результатами. В ходе исследования нам было интересно выяснить, каким образом особые условия, имевшиеся в разных странах нашей выборки, способствовали тому или иному результату институционального заимствования.

В выборку были включены не все посткоммунистические страны, а только те, по которым имеются данные по всем используемым нами в исследовании переменным-условиям. В частности, в выборке отсутствует ряд государств, в отношении которых отсутствуют данные индекса институциональных и экономических реформ (об использовании индекса в исследовании см. ниже). Это некоторые страны постюгославского пространства и Монголия. Еще одно ограничение нашего исследования заключается в том, что нами были использованы показатели Всемирного банка за 2007 г. Это объясняется необходимостью их сопоставления с другими данными, относящимися к 2000-м годам. Соответственно использованные нами данные не учитывали некоторые события, произошедшие в посткоммунистических странах в последние годы, например территориальные и иные проблемы Украины. Поэтому и в наших выводах относительно Украины и ряда других стран мы ограничимся преимущественно анализом ситуации, сложившейся на период 2007 г.

Опираясь на выводы, сформулированные в результате анализа исследовательской литературы, мы выделили ряд условий,

способных повлиять на институциональные трансформации, включая заимствования. При этом мы учитывали особенности нашей выборки, в которую входят страны бывшего СССР и отчасти СФРЮ (т.е. новые независимые государства, возникшие при распаде политий, имевших имперские черты организации власти) и ряд государств Восточной Европы, входивших в Варшавский договор и находившихся под сильным влиянием СССР. Таким образом, некоторые имперские черты организации государственной власти могут быть обнаружены не только в Советском Союзе, но в той или иной степени на всем социалистическом пространстве. Мы учитывали это обстоятельство при выделении основных факторов-условий, влияющих на успех трансплантации институтов.

Первое условие – это влияние внешнего фактора, точнее, наложение международными структурами нормативной рамки и контроль за ее исполнением. Выделяя этот фактор, мы учитывали особенности современной международной системы и ее влияния на государства, переживающие социально-политические трансформации. Сложившаяся в XX в. международная система была основана на представлениях и образцах развития европейского государства, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека и т.д. В качестве критериев и обязательств они постепенно распространялись и накладывались на новые государства. Эти нормы неизбежно носили отпечаток европоцентричности: «Европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и вероятно оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе – в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формам» [Tilly, 1975, p. 637]. В данном высказывании Ч. Тилли прекрасно отражается суть воздействия современной международной системы на процессы институциональной трансформации и заимствования.

Влияние международной системы сказывалось на институциональном развитии новых независимых государств в межвоенный период. В посткоммунистический период его воздействие ощущается еще сильнее, в том числе благодаря активной деятельности международных надгосударственных структур. Некоторые

из них, например Европейский союз, предполагают тесную интеграцию стран-членов и предъявляют к ним строгие требования в области правовых норм, управленческих и иных политических практик. Существенное влияние на институциональное развитие оказывает не только членство в ЕС, но и статус кандидата.

Как известно, в 2004 г. Литва, Эстония и Латвия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия вступили в ЕС. Это было наибольшее расширение Европейского союза по людским и территориальным показателям. В 2007 г. членами Европейского союза стали Болгария и Румыния, в 2013 г. – Хорватия. Статус кандидата имеет одна страна из нашей выборки – Македония (с 2004 г.).

Вступлению стран Восточной Европы в ЕС предшествовали длительный процесс переговоров, формулировки требований к странам-кандидатам, осуществления реформ в них и контроля за их реализацией. Среди основных критериев приема в члены ЕС (Копенгагенские критерии) были: наличие стабильных институтов, которые гарантируют демократию, верховенство права, прав человека, уважение и защиту меньшинств, существование жизнеспособной рыночной экономики, возможность противостоять давлению конкуренции внутри Европейского союза, способность взять на себя обязательства, связанные с вступлением в ЕС, в особенности поддерживать цели политического, экономического и валютного союзов, способность самого Европейского союза абсорбировать новых стран-членов, не ставя под угрозу собственную целостность и стабильность. В 1994 г. Европейским союзом была одобрена программа подготовки стран-кандидатов к вступлению в ЕС «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Европейского союза». На заседании Европейского совета в Мадриде в декабре 1995 г. были введены дополнительные критерии приема в члены ЕС, связанные со способностью вступающих стран принимать и осуществлять одобренную Европейским союзом структурную и аграрную политику. Все страны ЦВЕ первоначально были разбиты на две группы: «первой волны» (наиболее готовые к вступлению: Польша, Чехия, Венгрия, Словения, Эстония и Кипр) и «второй волны» (Болгария, Словакия, Латвия, Литва, Румыния). По отношению к странам «второй волны» были выработаны дополнительные требования и рекомендации по достижению ими уровня госу-

дарств «первой волны», которые касались как нормативных актов, так и механизмов управления.

Как следует из проведенных исследований, посвященных влиянию членства в ЕС на развитие государственных институтов в посткоммунистических странах, предъявляемые Европейским союзом требования к их качеству, а также контроль за реформами явились положительным фактором развития институтов государственного управления [Meyer-Sahling, 2009; The European Union... 2010 etc.]. Кроме того, сопоставление различных данных, характеризующих политические режимы, с членством посткоммунистических стран в ЕС также свидетельствует о том, что показатели, подтверждающие демократичность режима, у членов Европейского союза выше, чем у других посткоммунистических государств.

Подобные заключения позволяют предположить, что участие в международной интеграции и особенно в случае с посткоммунистическими странами членство в Европейском союзе является значимым фактором-условием, влияющим на специфику институциональных трансформаций, механизм и результаты институциональных заимствований. Поэтому в нашем исследовании участие в международной интеграции учитывалось в виде оценки истинности высказывания относительно членства в Европейском союзе (условие В).

Поскольку результат (или «выход») оценивался по данным Всемирного банка 2007 г., то и членство в ЕС оценивалось на этот период времени. Две страны, Болгария и Румыния, вступившие в ЕС как раз в 2007 г., кодировались в нашем исследовании не как члены ЕС. Однако фактор подготовки этих государств к членству в Европейском союзе учитывался нами при интерпретации результатов исследования.

Второй выделенный нами фактор-условие – наличие традиций собственной государственности в XX в. Наличие традиций самостоятельной государственности позволяет снизить издержки на «изобретение», заимствование и легитимацию новых институтов, связанных с функционированием государства и нации. Однако опыт самостоятельной государственности в XX в. имеет в этом отношении особое значение по следующей причине. Именно в XX в. международное сообщество стало позиционировать себя как мировое. Именно в XX в. были выработаны те во многом европоцентричные требования и нормы в отношении новых государств,

которые отмечались выше. Именно в XX в. были разработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, именно в XX в. европейские страны наиболее отчетливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между автократическими формами и демократией) и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности, формирования нации и демократизации в XX в., демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [Stark, Brust, 1998; Crzymala-Busse, 2002 etc.]. Некоторые посткоммунистические страны, например страны Балтии, продекларировали конституционную преемственность, возродили органы государственной власти, существовавшие в межвоенный период, пытались воссоздать аналогичные структуры политического представительства (например, партии) и т.д. В связи с этим мы предположили, что опыт (пусть и ограниченный) создания институтов «порядка с открытым доступом» – условие, позитивно влияющее на заимствования соответствующих институтов.

Учитывая важность опыта создания собственных институтов государственного управления, основ конституционного устройства и институтов регулирования членства в политическом сообществе, полученного в XX в., в качестве одного из гипотетических условий эффективности трансплантации мы использовали в нашем исследовании оценку истинности высказывания относительно наличия опыта самостоятельной государственности (условие А). При этом истинным это выражение считалось только в том случае, если независимая государственность существовала такое количество времени, которое позволило наработать собственный опыт институционального строительства в области государственного управления, формирования нации и т.п. Среди государств постсоветского пространства только страны Балтии обладали таким опытом в межвоенный период.

Что касается России, то в нашем исследовании мы осуществили два варианта кодирования и соответственно два варианта типологизации условий заимствований. В первом высказывание относительно опыта самостоятельной государственности кодировалось как 0. При этом учитывалось, что в XX в. Россия выступала преимущественно как центр СССР – государственного образования, обладавшего многими чертами имперской организации власти. Опыт строительства институтов современного государства и нации в нынешних границах у России был крайне ограниченным и сопоставимым с некоторыми другими республиками будущего СССР, соответствующее высказывание в отношении которых оценивалось как ложное.

Во втором варианте кодирования мы учитывали доминирующий в России общественно-политический дискурс, основанный на идее юридической преемственности СССР–России. В этом варианте высказывание по условию А оценивалось как истинное. Несмотря на то что мы осуществили данный вариант кодирования и использовали его в уравнениях и выводах, нам он представляется некорректным, нарушающим исследовательскую логику и осложняющим получение адекватных выводов относительно типов сочетаний условий и откликов.

Третий фактор-условие – это характер осуществляемых реформ. Выделяя это условие, мы исходили из предположения, что, как отмечалось в отчете выше, для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилок», во время которых наиболее явно проявляется влияние агентивных факторов. В эти моменты политического развития возрастает неопределенность и акторы побуждаются к выбору альтернативных институциональных решений. В то же время решения, принятые в период «критических развилок», их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов. Поэтому этот фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных заимствований. Это справедливо и в отношении формирования основных институтов государства и политического режима в посткоммунистических странах. В связи с этим важным является вопрос о том, какие реформаторские решения были приняты в этих странах на этапе интенсивной политической трансформации, как

именно эти решения повлияли на характер и динамику институционального развития.

В связи с этим можно выделить три типа стратегии реформ, которые, с нашей точки зрения, по-разному влияют на успех трансплантации.

Во-первых, радикальная смена старых (в том числе имперских по сути) институтов, полный слом старой структуры управления и правил и попытка их замещения новыми (или / и, применительно к некоторым посткоммунистическим странам, заимствованными из прошлого довоенного опыта). То есть эта стратегия может предполагать радикальный слом институтов «порядка с ограниченным доступом» и попытку их замещения институтами «порядка с открытым доступом». Эта стратегия предполагает высокие издержки на начальном этапе, но снижение количества необходимых ресурсов и транзакционных издержек на преодоление противоречий между старыми и новыми институтами в дальнейшем и в силу снижения транзакционных издержек возникновение консенсуса по поводу новых правил и практик.

Во-вторых, сохранение преемственности между старыми и новыми институтами. Этот вариант предполагает экономию ресурсов на проведение серьезных реформ, выстраивание новой системы управления и формирование новой нормативной базы, снижение на первых порах транзакционных издержек. Сама по себе ситуация определенности в силу доминирования старых норм и правил не препятствует долгосрочным вложениям акторов в общественные блага и появлению «стационарных бандитов» (при наличии других благоприятных для этого условий). Однако такой эффект этой стратегии не может быть долгосрочным. Со временем противоречия между старыми институтами («порядка с ограниченным доступом») и новыми требованиями, между формальными и неформальными нормами могут обостриться, а транзакционные издержки увеличиться.

В-третьих, непоследовательное осуществление институциональных реформ. Этот вариант предполагает сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределенности, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами. Эта стратегия мотивирует акторов на использование противоречий в своих личных или узкогрупповых целях, достиже-

ние сиюминутной выгоды, а не на вложение в долгосрочные общественные блага.

Для учета типа стратегии реформ мы обратились к подсчетам Т. Фрая, использовав исчисленный им на основе данных ЕБРР за период с 1990 по 2004 г. с помощью метода главных компонент индекс институциональных и экономических реформ [Frye, 2010, p. 75]. При этом все страны были разбиты нами на три группы. В первую группу попали страны, индекс которых не превышал значения 5,5 (государства, сохранившие высокую институциональную преемственность). Во вторую группу вошли страны со значением индекса, расположенным в промежутке от 5,51 до 8. И третья группа стран включала те, значения индекса у которых превышало 8 (условно государства с радикальной стратегией реформ). Сложности отнесения некоторых стран к той или иной группе (например, Хорватии со значением в 7,96) были учтены при интерпретации результатов анализа.

Поскольку таблицы истинности требуют бинарных категорий анализа, переменная, отражающая стратегии реформ, была разбита на две (стратегия реформ 1 – D, стратегия реформ 2 – G). Что касается первой переменной (D), то высказывание оценивалось как истинное, если страна относилась к группе стран с высокой степенью институциональной преемственности. В остальных случаях высказывание оценивалось как ложное. По переменной G высказывание оценивалось как истинное относительно стран, где осуществлялась радикальная стратегия реформ (страны третьей группы). У остальных оно оценивалось как ложное.

Четвертый фактор-условие – наличие конкуренции внутри-элитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества). Этот фактор имеет особое значение в период социально-политических трансформаций, предполагающих формирование новых государств, смену режима и т.д. В условиях отсутствия радикальной смены политической элиты, конкуренции между различными элитными группами и при доминировании одной элитной группы, укорененной в старом политическом порядке, концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования у доминирующей группы оказывается мало стимулов для институциональных новаций. В этих условиях реакция на стимулы внешней среды (например, международной) к

институциональным заимствованиям может привести к заимствованию внешней формы института, а не алгоритма.

Данный фактор-условие кодировался на основе экспертной оценки. При этом истинным высказывание считалось тогда, когда в той или иной стране доминирование одной политической группы осуществлялось в течение длительного времени. Так, например, для России данное выражение оценивалось как истинное (при этом мы учитывали, что в 1999–2000 гг. не произошло смены власти), в то время как для Грузии и Украины как ложное, несмотря на доминирование отдельных политических сил в тот или иной период времени (и в той и в иной стране власть менялась неоднократно, доминирующим акторам не удавалось сосредоточить в своих руках ресурсы, необходимые для сохранения власти). Относительно Белоруссии данное высказывание оценивалось как истинное. При этом мы учитывали длительность периода существования режима А. Лукашенко.

Еще одним важным, по нашим предположениям, условием было наличие материальных ресурсов, которые гипотетически можно вложить в институциональное строительство. Само по себе наличие материальных средств не гарантирует успех трансплантации институтов, но создает дополнительные возможности для проведения дорогостоящих реформ. В качестве показателя наличия этих ресурсов использовался ВВП на душу населения по оценкам Всемирного банка (Atlas method). Мы взяли данные за 2004 г. с учетом временно́го лага относительно индексов господства права, голоса и подотчетности и качества регулирования, полагая, что влияние ресурсной обеспеченности проявляется с течением времени.

Страны нашей выборки были разбиты на три группы в зависимости от величины ВВП на душу населения. В первую группу были включены страны с показателем от 0 до 2,000. Во вторую – с показателями, превышающими 2,000 и до 5,000. В третью – все остальные (т.е. с ВВП больше 5,000). Для дихотомического кодирования были созданы две переменные-условия: Е и J. По переменной Е высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к первой группе (т.е. с маленьким ВВП). По переменной J высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к третьей группе (т.е. с относительно высоким ВВП).

Типы и условия институциональной трансплантации в посткоммунистических странах

Разбиение стран на три группы по параметрам «господство права», «голос и подотчетность» и «качество регулирования» было осуществлено следующим образом.

По параметру «господство права» к первой группе были отнесены страны с низкими показателями индекса (до -1 ; условно «отстающие»). Ко второй группе – со средними показателями (от $-0,99$ до $0,1$), к третьей – с относительно высокими показателями по выборке (выше $0,1$; условно «успешные»).

По параметру «голос и подотчетность» к первой группе были отнесены страны с величиной индекса до -1 (условно «отстающие»), ко второй группе – от $-0,99$ до $0,1$, к третьей – выше $0,1$ (условно «успешные»).

На основе индекса «качество регулирования» страны также были поделены на три группы. Учитывая больший разброс значений по выборке, были выбраны другие границы деления на группы. К первой группе были отнесены страны со значениями индекса до -1 (условно «отстающие»). Ко второй группе – со значениями от $-0,99$ до $0,49$. К третьей группе – со значениями от $0,55$ и выше (условно «успешные»).

Соответствующие данные представлены в таблице 1.

В таблице 2 представлены результаты кодирования факторов-условий.

Далее страны выборки были разбиты на типологические группы, включающие в себя одинаковое сочетание условий-отклика. В таблице 3 представлена группировка стран относительно «господства права».

На основе таблицы 3 была составлена формула, включающая в себя типы сочетаний для «отстающих» стран по параметру «господство права»:

$$F(1) = abCDgej+abcdgEj+abCDgEj+abCdgej$$

Процедура логической минимизации позволила выделить два необходимых для отнесения к группе «отстающих» условия:

$$F(1) = ab.$$

Таблица 1

**Разбиение совокупности посткоммунистических стран
на группы на основе индексов «господства права», «голос
и подотчетность» и «качество регулирования»**

Страны	Господство права (значение индекса)	Господство права (разбиение на группы)	Голос и подотчетность (значение индекса)	Голос и подотчетность (разбиение на группы)	Качество регулирования (значение индекса)	Качество регулирования (разбиение на группы)
Азербайджан	-0,83	2	-1,13	1	-0,50	2
Албания	-0,7	2	0,09	2	0,07	2
Армения	-0,51	2	-0,59	2	0,24	2
Белоруссия	-1,09	1	-1,8	1	-1,56	1
Болгария	-0,1	2	0,68	3	0,62	3
Венгрия	0,92	3	1,4	3	1,19	3
Грузия	-0,44	2	-0,19	2	0,21	2
Казахстан	-0,83	2	-1,06	1	-0,45	2
Киргизия	-1,19	1	-0,64	2	-0,40	2
Латвия	0,57	3	0,86	3	1,06	3
Литва	0,49	3	0,93	3	1,12	3
Македония	-0,46	2	0,25	2	0,12	2
Молдавия	-0,66	2	-0,38	2	-0,31	2
Польша	0,37	3	0,84	3	0,77	3
Россия	-0,97	2	-1,01	1	-0,44	2
Румыния	-0,11	2	0,5	3	0,52	3
Словакия	0,45	3	0,93	3	1,03	3
Словения	0,88	3	1,06	3	0,8	3
Таджикистан	-1,13	1	-1,26	1	-1,02	1
Туркмения	-1,33	1	-2,07	1	-2,02	1
Узбекистан	-1,06	1	-1,91	1	-1,45	1
Украина	-0,70	2	-0,09	2	-0,42	2
Хорватия	0,04	2	0,48	3	0,46	2
Чехия	0,86	3	0,96	3	1,03	3
Эстония	1,00	3	1,05	3	1,50	3

Таблица 2

Значения факторов-условий по странам

	А Традиции независимой государственности в XX в.	В Внешняя рамка (членство в ЕС)	С Доминирование одной элитной группы, концентрация ресурсов в ее руках	D, G Радикализм реформ	E, J ВВП на душу (в скобках – значение в долл.)
Азербайджан	0	0	1	0, 0	(950) 1, 0
Албания	1	0	0	0, 0	(2,030) 0, 0
Армения	0	0	0	0, 0	(1,160) 1, 0
Белоруссия	0	0	1	1, 0	(2,180) 0, 0
Болгария	1	0	0	0, 0	(2,9500) 0, 0
Венгрия	1	1	0	0, 1	(8,540) 0, 1
Грузия	0	0	0	0, 0	(1,100) 1, 0
Казахстан	0	0	1	0, 0	(2,300) 0, 0
Киргизия	0	0	0	0, 0	(400) 1, 0
Латвия	1	1	0	0, 1	(5,460) 0, 1
Литва	1	1	0	0, 1	(5,870) 0, 1
Македония	0	0	0	0, 0	(2,420) 0, 0
Молдавия	0	0	0	0, 0	(730) 1, 0
Польша	1	1	0	3, 1	(6,270) 0, 1
Россия	0 (1)	0	1	0, 0	(3,410) 0, 0
Румыния	1	0	0	0, 0	(3,010) 0, 0
Словакия	0	1	0	0, 1	(8,800) 0, 1
Словения	0	1	0	0, 1	(15,400) 0, 1
Таджикистан	0	0	1	1, 0	(270) 1, 0
Туркмения	0	0	1	1, 0	(1,310) 1, 0
Узбекистан	0	0	1	0, 0	(460) 1, 0
Украина	0	0	0	0, 0	(1,270) 1, 0
Хорватия	0	0	0	0, 0	(8,150) 0, 1
Чехия	1	1	0	0, 1	(9,750) 0, 1
Эстония	1	1	0	0, 1	(7,570) 0, 1

Таблица 3

Типы сочетаний условий-отклика («господство права»)

Казусы	Традиции независимой государственности (A)	ЕС (B)	Доминирование (C)	Реформы (D, G)	ВВП (E, J)	Господство права (F)
Албания, Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Армения, Грузия, Украина, Молдавия	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Казахстан, Россия, Азербайджан	0 (1 для России во втором варианте кодирования)	0	1	0, 0	0, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	2
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Киргизия	0	0	0	0, 0	1, 0	1
Таджикистан, Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Чехия, Эстония	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3

Как следует из этой формулы, такими условиями являются отсутствие традиций независимой государственности в XX в. и членства в ЕС. Помимо них для большинства стран этой группы необходимым является доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для поддержания такого доминирования. Исключением является Киргизия, где выражение, связанное с доминированием, оценивалось как ложное по причине произошедшей в 2005 г. «тюльпановой революции» и последующих событий. Однако до 2005 г. Киргизия могла быть условно отнесена к группе стран с доминированием одной элитной группы. В связи с этим доминирование можно также отнести к совокупности необходи-

мых условий для отнесения стран к группе «отстающих» по критерию «господства права».

Интересно также отметить, что в этой группе отсутствуют страны, где осуществлялась радикальная стратегия реформ. Она включает в основном государства Центральной Азии (что позволяет предположить влияние культурных особенностей, плохо поддающихся формализации) с относительно низким ВВП на душу населения (исключение составляет Белоруссия).

Формула сочетаний условий относительно второго варианта отклика (для стран-«середнячков») выглядит следующим образом:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abCdgej + abcdgeJ = bdg.$$

Исходя из этой формулы, необходимыми условиями отнесения стран к этой группе являются отсутствие членства в ЕС и смешанная, непоследовательная стратегия реформ.

В основном в этой группе представлены государства с низким или средним уровнем ВВП на душу населения (исключение составляет только Хорватия). Это преимущественно страны, входившие в прошлом в состав Российской или Османской империи или находившиеся в зависимости от них. Это косвенно свидетельствует о влиянии традиций имперской непрямой нестандартизованной системы организации власти с высоким значением неформализованных или слабо формализованных, межличностных отношений [Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2013 и др.].

Многие из этих стран не имели опыта самостоятельной государственности в XX в. Иной вариант кодирования наличия опыта независимой государственности России в XX в. в данном случае умножает количество вариантов сочетаний-условий, но не влияет на состав и характер необходимых условий.

Формула сочетаний условий относительно третьего варианта отклика выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ = BcdGeJ.$$

Таким образом, у «успешных» стран необходимым сочетанием условий является членство в ЕС, отсутствие доминирования одной элитной группы и концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования, радикальная стратегия реформ, высокие показатели ВВП на душу населения. Помимо этого следует отметить особое геополитическое положение этих стран (в основном страны Центральной Восточной Европы). Большинство из них имели опыт самостоятельной государственности в XX в.

В таблице 4 представлена группировка стран относительно «голоса и подотчетности».

Таблица 4

Типы сочетаний условий-отклика («голос и подотчетность»)

Казусы	Традиции независ. государственности (А)	ЕС (В)	Доминирование (С)	Реформы (D, G)	ВВП на душу нас. (E, J)	Голос и подотчетность (F)
Азербайджан, Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Таджикистан, Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Казахстан, Россия	0 (1 во втором случае кодирования России)	0	1	0, 0	0, 0	1
Албания	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Украина	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	3
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	3

Формула сочетаний условий у стран первой группы следующая:

$$F(1) = abCdgEj + abCDgEj + abCDgej + abCdgej = abC.$$

У «отстающих» в плане развития «голоса и подотчетности» необходимыми условиями отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности, членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и наличие ресурсов для его поддержания. Кроме того, в этой группе нет государств с высоким

уровнем ВВП на душу населения и радикальной стратегией реформ. В группу входят в основном страны Центральной Азии, а также Азербайджан, Россия и Белоруссия.

Иной вариант кодирования независимой государственности России в XX в. в данном случае умножает количество вариантов сочетания условий и сокращает количество необходимых условий на один пункт. Однако мы полагаем, что этот вариант кодирования является менее адекватным с точки зрения логики и задач исследования.

Формула сочетаний условий у стран второй группы следующая:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abcdgej = bcdgj.$$

У «среднячков» необходимыми условиями выступают отсутствие членства в ЕС, доминирования одной элитной группы и непоследовательная стратегия реформ. Это страны с низким или средним по выборке ВВП на душу населения. Практически у всех отсутствует опыт независимой государственности в XX в., исключая Албанию.

Формула сочетаний условий у стран третьей группы следующая:

$$F(3) = Abcdgej + ABcdGeJ + aBcdGeJ + abcdgeJ = cd.$$

У наиболее «продвинутых» в отношении «голоса и подотчетности» было выделено одно необходимое условие – отсутствие доминирования одной элитной группы. Однако при этом следует отметить, что в восьми из десяти стран группы общими условиями являются членство в ЕС, радикальная стратегия реформ и высокий ВВП на душу населения. Две другие страны (Болгария и Румыния) до 2007 г. являлись кандидатами в члены Европейского союза, поэтому обязательства, связанные с членством в нем, не могли не сказаться на институтах демократического правления. В связи с этим членство в ЕС можно считать одним из элементов сочетания необходимых условий вхождения в эту группу стран. Интересно также отметить, что в восьми из десяти стран общим условием является опыт независимой государственности в XX в.

В таблице 5 представлена группировка стран относительно «качества регулирования».

Таблица 5

Типы сочетаний условий-отклика («качество регулирования»)

Казусы	Традиции независимой государственности (A)	ЕС (B)	Доминирование (C)	Реформы (D, G)	ВВП на душу населения (E, J)	Качество регулирования (F)
Азербайджан	0	0	1	0, 0	1, 0	2
Албания, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Киргизия, Грузия, Молдавия, Украина	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Казахстан, Россия	0	0	1	0, 0	0, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	2
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3
Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	3

Формула сочетания условий-отклика у «отстающих» в отношении «качества регулирования» стран выглядит следующим образом:

$$F(1) = abCDgej + abCDgEj = abCDgj.$$

У этих стран необходимым сочетанием условий отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности в XX в., членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для его поддержания, а также стратегия преемственности в отношении реформ.

Формула сочетания условий-отклика у стран средней группы в отношении «качества регулирования» следующая:

$$F(2) = abCdgeJ + abcdgeJ + abcdgEj + abCdgej + abcdgeJ = bdg.$$

Это наиболее разнородная группа стран, однако и в ней есть объединяющее их сочетание условий. У этих стран в ряду необходимых условий – отсутствие членства в ЕС и непоследовательная стратегия реформ. Кроме того, почти все страны этой группы (за исключением Хорватии) – государства с низким или средним ВВП на душу населения.

Формула сочетания условий-отклика у стран «успешных» в отношении «качества регулирования» выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ + Abcdgej = c.$$

На основе данного уравнения можно выделить единственный необходимый фактор отнесения к этой группе – отсутствие доминирования одной элитной группы. Вместе с тем большинство этих стран к моменту 2007 г. были членами ЕС, а Болгария и Румыния в 2007 г. вступили в ЕС, а до этого были кандидатами. Поэтому членство в ЕС также можно рассматривать как составляющую необходимого сочетания условий. Интересно отметить, что для большей части группы важным фактором является также наличие традиций независимой государственности, радикальная стратегия реформ и высокий уровень ВВП.

В целом проведенный анализ позволил выделить две относительно устойчивые группы стран, отличающиеся различными результатами институциональной трансплантации. С одной стороны, это восточноевропейские государства – «пионеры» в развитии институтов современного государства, демократии и рыночной экономики, для которых ключевыми условиями достижения подобных результатов стало членство в ЕС и отсутствие доминирования одной элитной группы. Во многих этих странах важную роль сыграл также радикальный характер проведенных реформ и традиции независимой государственности в XX в.

С другой стороны, это «отстающие» в институциональном заимствовании преимущественно центральноазиатские страны с доминированием одной элитной группы, невысоким уровнем ВВП, отсутствием традиций независимой государственности в XX в. и членства в ЕС.

Группа «среднячков» – более аморфная, включает в себя более разнородные по условиям государства. Однако необходимо при этом отметить, что в этой группе отсутствуют страны, являющиеся членами ЕС. Кроме того, в ней нет государств, в которых осуществлялась радикальная стратегия реформ.

Список литературы

- Мелешикина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Мелешикина Е.Ю.* Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F.* Economic development, legality, and the transplant effect // *European economic review*. – Amsterdam, 2003. – Vol. 47. – P. 165–195.
- Capocchia G., Kelemen D.* The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism // *World politics*. – Cambridge, 2007. – Vol. 59, N 2. – P. 341–369.
- Chang H.-J., Evans P.* The role of institutions in economic change // *Reimagining growth – Towards a renewal of development theory*. – L.; N.Y.: Zed books, 2005. – P. 99–129.
- Configurational Comparative Methods* / B. Rihoux, C.C. Ragin (eds). – Thousand Oaks; L.: Sage, 2008. – 209 p.
- De Jong M., Stoter S.* Institutional transplantation and the rule of law – How this interdisciplinary method can enhance the legitimacy of international organisations // *Erasmus law review*. – Amsterdam, 2009. – Vol. 2, 3. – P. 311–330.
- The European Union and the Baltic states: Changing forms of governance* / B. Jacobsson (ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2010. – 194 p.
- Frye T.* Building states and markets after communism: The perils of polarized democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 296 p.
- Grzymala-Busse A.* Redeeming the past: The regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 908 p.
- Kaufmann D., Kray A., Mastruzzi M.* The worldwide governance indicators: Methodology and analytical issues: Policy research working paper / The World Bank. IBRD. IDA. – 2010. – Mode of access: www.info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf (Дата посещения: 2.08.2016).
- Mahoney J., Goertz G.* A tale of two cultures: Contrasting quantitative and qualitative research // *Political analysis*. – Oxford, 2006. – Vol. 14, N 3. – P. 227–249.
- Meyer-Sahling J.-H.* Varieties of legacies: A critical review of legacy explanations of public administration reform in East Central Europe // *International review of administrative sciences*. – Brussels, 2009. – Vol. 75, N 3. – P. 563–581.
- Limited access orders in the developing world: A new approach to the problems of development: Policy research working paper* / D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, B.R. Weingast / World bank. – 2007. – N 4359. – 48 p.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* Violence and social orders: A conceptual framework for understanding recorded human history. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 308 p.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* Violence and the rise of open-access orders // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 55–68.

- Ragin C.C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 1987. – 185 p.
- Ragin C.C.* Redesigning social inquiry: Set relations in social research. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2008. – 225 p.
- Roland G.* Understanding institutional change – Fast-moving and slow-moving institutions // Studies in comparative international development. – N.Y., 2004. – Vol. 38, N 4. – P. 109–131.
- Stark D., Bruszt L.* Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 284 p.
- Tilly Ch.* Western state-making and theories of political transformation // The formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 601–687.
- Zweynert J.* Interests versus culture in the theory of institutional change? // Journal of institutional economics. – Cambridge, 2009. – Vol. 5. – P. 339–360.